

— ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ —

УДК 398.224(=512.31)

Л. Ц. Санжеева

Институт филологии и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета

РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА ЭПИЧЕСКОЙ ОБРАЗНОСТИ В БУРЯТСКИХ УЛИГЕРАХ О ГЭСЭРЕ

Аннотация. В статье рассматриваются способы актуализации смысловой и поэтической экспрессии в улигерном тексте. Выявлены разные виды и функциональные особенности таких речевых средств эпической образности, как метафора, метонимия, синекдоха, эпитет, сравнение. Материалом для анализа послужили варианты бурятского эпоса о Гэсэре, записанные от известных сказителей (Альфора Васильева, Пеохона Петрова, Маншуда Имегенова, Елбона Шалбыкова), однако большая часть примеров приведена из эпоса «Абай Гэсэр Богдо хаан» (эхирит-булагатский вариант сказителя А. Васильева). Своеобразие и уникальность образной системы бурятского эпоса в целом и улигера «Абай Гэсэр Богдо хаан» в частности проявляются на всех уровнях содержательного и выразительного планов. Проведенный лингвостилистический анализ упомянутого улигерного текста позволяет утверждать, что поэтика эпоса – сложная и вместе с тем высокоорганизованная система, которая складывалась и оттачивалась в течение длительного времени. Образные средства исследованных улигеров отличаются разнообразием форм и частотностью употребления.

Основным в эпосе является смысловая природа иносказания как приема образного восприятия реальной действительности, которая передается, в т. ч. общефольклорными, общелитературными и разговорными метафорическими образными выражениями. Эпическим речевым средствам в целом и сравнениям в частности присущи компактность, ритмическая организованность, отшлифованность и формульность. Выявлены и проанализированы наиболее продуктивные в поэтике бурятских улигеров образные средства, обладающие большой художественной выразительностью и способствующие созданию ярких эпических образов и исторической стилизации. Все рассмотренные элементы выполняют смысловую, экспрессивно-эмоциональную функцию в эпическом произведении бурят. Их использование обусловлено внутренними потребностями героического сюжета, общими требованиями эпической изобразительности. Очевидно, что в ходе исторического развития эпос вырабатывал свою, присущую только ему систему изображения. Сказители пользовались традиционными формами, которые были закреплены за определенными реалиями изображаемых явлений и событий. В этноспецифических образных элементах (метафорах, метонимии, эпитетах, сравнениях и др.) поэтической системы прослеживаются эстетика и прагматизм бурятского эпоса о Гэсэре, его значительный аксиологический потенциал.

Ключевые слова: эпос, жанровые признаки, эпическая образность, эпический стиль, этноспецифические характеристики, улигерная символика и поэтика, речевые средства, смысловая функция, метафора, метонимия, эпитет, сравнение.

L. Ts. Sanzheeva

Means of epic expressiveness in the Buryat uligers about Geser

Abstract. The article considers some ways of actualization of semantic and poetic expressiveness in the uliger text. It studies different types and functional peculiarities of such means of epic expressiveness as metaphor, metonymy, synecdoche, epithet, and simile. The analysis is based on the versions of the Buryat epos about Geser

САНЖЕЕВА Лариса Цырендоржиевна – д. филол. н., доцент каф. английской филологии и лингводидактики Института филологии и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета.

E-mail: lsanzhe@mail.ru

SANZHEEVA Larisa Tsyrendorzhievna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the English Philology and Lingvodiadactics Department, Institute of Philology and Mass Communications, Buryat State University.

E-mail: lsanzhe@mail.ru

recorded from well-known uligershins (Alfor Vasilyev, Peokhon Petrov, Manshud Imegenov, Elbon Shalbykov). However, most of the examples are taken from the epic «Abai Geser Bogdo Khaan» (the ekhirit-bulagat version of the narrator A. Vasiliev). The originality and uniqueness of the imagery system of the Buryat epic in general and uliger «Abai Geser Bogdo Khaan» in particular are revealed at all levels of content and expression plans. The lingvostylistic analysis of the mentioned uliger text suggests that the poetics of the epos is a sophisticated but yet a highly organized system, which had been developing and perfected for a long time. The imagery means of the researched uligers are remarkable for a variety of forms and frequency of their usage.

The main epic feature is the semantic nature of allegory serving as a method of imaginative perception of reality and which is transmitted by general folklore and literature, colloquial metaphorical figurative expressions. The epic speech means in general and comparisons in particular are characterized by laconism, rhythmic organization, being refined and having some formula. The most productive in the poetics of the Buryat uligers imagery means, having high artistic expressiveness and contributing to the creation of vivid epic images and historic styling are identified and analyzed in the paper. All the revealed elements perform a semantic, expressive-emotional function in the Buryat epic. Their use is determined by the internal needs of the heroic story and the general requirements of the epic depiction. It is obvious that in the course of historical development the epos has developed its own unique imagery system. Narrators used the traditional forms that had been assigned to certain realities of the depicted phenomena and events. The aesthetics and pragmatism of the Buryat epic of Geser, its considerable axiological potential is revealed in the ethnospecific imagery elements (metaphors, metonymy, epithets, simile, etc.) of the poetic system.

Keywords: epic, genre features, epic expressiveness, epic style, ethnospecific characteristics, uliger symbolism and poetics, means of speech, the semantic function, metaphor, metonymy, synecdoche, epithet, simile.

Введение

Общеизвестно, что поэтика является одним из важнейших аспектов изучения художественного произведения, фольклорно-эпического в том числе. В бурятской фольклористике многие вопросы, связанные со стилистикой эпоса, его образно-поэтической системой, остаются за рамками специального анализа. Исследователь фольклора Е. Н. Кузьмина отмечает, что среди прочих до сих пор остаются неразработанными вопросы структуры поэтико-стилевых средств бурятского эпоса, как впрочем, эпоса всех народов Сибири [1, с. 64-71].

Исследования по поэтике в бурятской гуманитарной науке в основном касаются фольклора, эпоса «Гэсэр». Это труды С. Ш. Чагдурова «Поэтика Гэсэриады» [2], М. И. Тулохонова «Героический эпос бурят: вопросы поэтики и стиля» [3], Е. О. Хундаевой «Бурятский эпос о Гэсэре: связи и поэтика» [4], Л. С. Дампиловой «Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика» [5], Б. С. Дугарова «Бурятская Гэсэриада: небесный пролог и мир эпических божеств» [6], Э. А. Уланова «Эпос в развитии бурятской словесности: аспекты поэтико-стадиальной эволюции художественного мышления» [7].

Стилевое своеобразие рассматриваемых в данной работе эпических произведений состоит в исключительной отточенности художественной формы, совершенной по красоте слога и языка. Образы этих улигеров основаны на тонкой наблюдательности, глубоком знании жизни, сопоставлении явлений разного ряда. В построении художественных образов при помощи изобразительно выразительных средств (метафор, метонимии, эпитетов, гипербол, сравнений) можно проследить сам процесс формирования художественной мысли [8, с. 83].

Исследователи различают образность речевую и языковую. В речевой образности реализуется предметно-логическое и контекстуальное значение, что связано с речью. В языковой образности реализуются два предметно-логических значения: основное и производное, что связано с уровнем языка. В средствах языковой образности встречаются метафора, метонимия и сравнение, которые могут войти в конкретную речевую ситуацию, посредством этого языковая образность переходит в речевую [9, с. 10-11].

Как известно, языковая образность обладает следующими качествами: экспрессивностью, наглядностью, абстрактностью и отвлеченностью, эмоциональностью, эстетичностью. Среди основных функций, которые выполняет образность, следует назвать такие, как: коммуникативная, назывная, оценочная, конкретизирующая, обобщающая, иллюстративная, экспрессивная, эстетическая и функция языковой экономии. В ряду образных средств, обладающих такими свойствами, особенно выделяются сравнение, метафора и метонимия, в основе которых лежит когнитивная модель, а именно сравнение [9, с. 10-11].

Своеобразие и уникальность образной системы бурятского эпоса в целом и улигера «Абай Гэсэр Богдо хаан» (вариант сказителя Альфора Васильева) в частности проявляются на всех уровнях содержательного и выразительного планов. Проведенный лингвостилистический анализ улигерного текста позволяет утверждать, что поэтика эпоса – сложная и вместе с тем высокоорганизованная система, которая складывалась и отрабатывалась в течение длительного времени. Эпическая поэтика во многом строится на понятиях образности, образа и образных средств. Установлено, что эпическая образность зиждется на ассоциативных связях, она экспрессивна, наглядна, абстрактна, эмоциональна, эстетична [8, с. 84].

Рис. 1. Иллюстрация к бурятскому эпосу Абай Гэсэр Богдо хаан
(Художник Ч. Б. Шонхоров)

В качестве материала для анализа послужили также варианты бурятского эпоса о Гэсэре, записанные от известных сказителей (Пеохона Петрова, Маншуда Имегенова, Елбона Шалбыкова). Однако большее внимание уделено поэтической системе эпоса «Абай Гэсэр Богдо хаан» (сказителя А. Васильева), в частности рассмотрены наиболее распространенные образные элементы, их этноспецифические характеристики, виды и функции в улигерном тексте. Установлено, что поэтический язык эпоса «Абай Гэсэр Богдо хаан» представляет собой развитую систему речевых средств, передающих с помощью различных стилистических построений все разнообразие содержания улигера. Эпический стиль улигера по строю и стилистической окрашенности являет собой «высокий стиль». Идеализация богатыря, его возвышенных благородных устремлений, описание героических подвигов подразумевают наличие патетического высокого настроения и соответственно высокого стиля.

По мнению эпосоведов, поэтика Гэсэриады высокоорганизована, словесный текст богато насыщен метафорами, гиперболами, антитезами и др. художественно-изобразительными средствами. Сами сказители хорошо чувствовали ритм и размер, пользовались приемами ускорения и замедления ритма. В этой связи справедливо по отношению к бурятскому эпосу высказывание исследователя А. Б. Есина: «Слагаясь в стиль, все элементы формы подчиняются единой художественной закономерности, обнаруживают наличие организующего принципа. Он как бы пронизывает структуру формы, определяя характер и функции любого ее элемента» [10, с. 352-353].

Виды и функции этноспецифических образных средств в поэтике бурятского эпоса

Анализ ведущих звеньев поэтической системы эпоса «Абай Гэсэр Богдо хаан» свидетельствует о неразрывной взаимосвязи и взаимодействии художественно-изобразительных средств в решении основных идейно-эстетических задач. Образные средства исследованного улигера отличаются разнообразием форм и частотностью употребления. Это объясняется спецификой художественного текста, его стилем. Так, метафора занимает особое место среди изобразительных средств языка эпоса как важнейший способ создания переносных значений слов и выражений. По семантическому содержанию метафоры выражаются словами, к которым могут относиться любые явления действительности: люди, проявления их внутреннего мира, животные, растения, самые различные признаки неживой природы и явления отвлеченного характера. Одним из самых экспрессивных средств стилистики эпоса является тип метафоры, когда животным и птицам приписываются свойства и действия человека. Метафоры неразрывно связаны не только друг с другом, но и с другими образными средствами, являясь необходимыми их компонентами [7, с. 63].

Неслучайно иногда метафору называют скрытым сравнением, т. к. в ней есть и образ, и предмет, не назван лишь признак, лежащий в ее основе, но который эксплицитен по содержанию. Как отмечают исследователи, метафоричность возникает на том этапе развития эпоса, когда конкретность анимистических взглядов на природу начинает разрушаться и вытесняться более глубоким, разносторонним взглядом на явления окружающего мира, когда возникают абстрактные понятия, а конкретные представления становятся абстрактными (например, *три сестры хухэй*) [11, с. 309]. Метафоричность проходит длинный путь образования. Это явление более характерно для унгинских мифов и эпоса бурят.

В разных вариантах «Гэсэра» встречаются общенародные, общелитературные и разговорные метафорические образные выражения – метафоры. Приведем некоторые из выявленных примеров употребления метафоры с краткими комментариями в тех случаях, когда общее значение выражения не вполне понятно.

Зүрхэ ехээр алдабашье [12].

Хоть и не решался (колебался) [Пер. наш].

Выражение *зүрхэ алда* буквально означает «потерять сердце», на смысловом уровне оно означает «сомневаться, бояться, колебаться».

Хоро шарын малтажа [12].

Действуя на нервы (распаяя) [Пер. наш].

Хоро шара малтаха буквально означает «копать яд, желчь», что можно толковать, как «раздражать, злить, заставлять нервничать».

Яхан ухан хоёрыень

Кости его выплюнул,

Турьяжа орхибо [12].

Брызнув сквозь зубы [Пер. наш].

Яхан ухан – парное слово, буквально означающее «кости и вода», но со смысловым значением «кости» в приведенном контексте.

Интерес представляют развернутые метафоры.

Харха хулганын хамарһаа

Из носа мыши даже

Шуһа дуһаангуй ябаба [12].

Не пролил крови [Пер. наш].

Хулганын хамарһаа шуһа дуһаангуй – буквально означает «не уронив ни капли крови из носа мыши», что по смыслу можно передать как «не подстрелив ни одной живности...».

В варианте «Гэсэра» Альфора Васильева встречаются разные виды метафор, которые были классифицированы в соответствии с их лексико-семантическими особенностями. Рассмотрим некоторые из этих групп.

Метафоры, противопоставляющие или сопоставляющие:

- **живое – неживое**

Сэсэг ногоон сэсэглэжэ,

Цветы, расцветая,

Улаагаар убхижа,

Красным разрастаясь,

Хүхөөр хүрбэжэ,

Синим раскинувшись,

Сагаагаар сальдажа,

Белым расплескиваясь,

Шараар майратажа,
Хангалтажа, хуниууржа,
Ангилжа, охитожо
Дэлхэй дээгүүр дэлгэржэ ошоожо,
Газар дээгүүр галбагайржа таража

[12, с. 19].

Желтым развеваясь,
Благоуханье их
Раздается, чувствуется,
По всей планете разносится,
По всей земле раскинулось

[Пер. наш].

В вышеприведенном примере растения дышат, двигаются, как живые существа, происходит оживотворение, очеловечивание предметной сущности, в данном случае представителей растительного мира. Известно, что буряты с древних времен относятся ко всему природному, что их окружает, не как к физическому миру, а как к окружающему миру, обладающему духовным началом и свойствами взаимопревращения.

- функции, умения, поступки, обладание чем-либо

Гарын ганзагадан хүргэбэ,
Хүлийн дүрөөдэн хүргэбэ [12, с. 26].

Руки до тороков, до вьюка на спине лошади довел,
Ноги до стремени довел [Пер. наш].

Смысловое значение выражения *гарын ганзагадан хүргэхэ, хүлийн дүрөөдэн хүргэхэ* – «вырастить ребенка, чтобы он мог сам садиться и ездить на коне» (один из древних обычаев монгольских народов). Здесь употреблены клишированные фразы, идиомы или так называемые «мертвые образы» (неизменные, «закостеневшие» или «застывшие»).

Тэрэ гурбан эгэишэндын
Нэгэ амаяр ерээжэ [12, с. 398].

Те три сестры его
Мгновенно появились [Пер. наш].

Нэгэ амаяр буквально означает «одним дыханием». Контекст диктует использование смыслового перевода – «тотчас же, сразу, незамедлительно».

- характеристики

Хуһанай орёгор ошоһон,
Ойрын сууда дуулдажа,
Үшөөһэнэй оройгоор хэлсүүлһэн
Эльгэн Шулуун баатаргүи? [12, с. 203].
Шоношолжо зубаржа
Шубуушалжа зальяжа,
Яһан уһан хоёрын
Хамараараа турьян гаргажа [12, с. 249].

Это ты, тот Эльгэн Шулуун батор,
Слухи о котором разнеслись по верхушкам берез,
Молва о котором распространилась
по верхушкам тальника? [Пер. наш]
Охотясь на волков, рвал их на части,
Охотясь на птиц, заглатывал их,
Кости и кровь их
Извергал из ноздрей [Пер. наш].

Исследованный материал подтверждает тот факт, что для эпоса характерна иная метафоричность, скорее это вид иносказания. Основным в эпосе является смысловая природа иносказания как приема образного восприятия реальной действительности. В целом эпосу присуща сдержанность изобразительных средств, особенно в более раннюю эпоху зарождения улигеров, когда доминировало коллективное сознание рода и племени. Использование метафоры является фактом индивидуального творчества сказителя, продуктом духовной жизни личности, выдлившейся из общины.

В некоторых случаях к разновидности метафоры относят метонимию, хотя между ними есть существенные различия: для метафорического переноса названия сопоставляемые предметы должны быть обязательно похожи, а при метонимии такого сходства нет; метафору можно переделывать в сравнение, с метонимией этого сделать невозможно.

Хара сагаан хоёрой
Харшалдаагүй үдыдэ [13, с. 53].

Когда черный цвет
От белого был не отличим [Пер. наш].

В этом примере имеется в виду исконное первородное появление белого и черного, примордиальное разделение мутного марева на белое и черное или в целом возникновение добра и зла.

Ами наһыемни абарыш,
Арһа шүрбэһыемни зуаалыш.
Улаан голыемнай абарыт,
Ууиха зурхыемнай зуаалыт.

[12, с. 364].

Спаси мое дыхание, жизнь,
Утоли мою кожу и жилы.
Аорту (жизнь) мою спасите,
Утолите (укрепите) мои легкие и сердце

[Пер. наш].

В эпосе «Гэсэр» метонимия чаще всего используется для характеристики людей по принципу «отсутствия-наличия», в частности «наделенные чем-либо», при этом наблюдается субстанция множественности. Отметим, что в варианте А. Васильева метонимия встречается изредка.

Үргэн дороо барица...

Үбдэг дээрээ абаж [12, с. 53].

Дословно данный пример означает «держит под подбородком, берет на колени». В этом контексте можно дать следующий смысловой перевод: «лелеет, заботливо растит». Речь идет о *Сэсэг Ногон девице* – дочери *Сэгэн Сэбдэг тэнгрия* и *Сэсхэл Сэндэр хатан*.

Разновидностью метонимии является синекдоха, которая «существенно отличается от метонимии своим количественным признаком соотношения того, с чего переходит название, и того, на что оно переходит, при этом один член такого соотношения обычно будет более широким и общим» [14, с. 57]. При переносе значения должен быть общий семантический знаменатель между прямым и переносным значением. Рассмотрим пример из текста улигера:

Алиганайн шэнээн эльгээр

Из меха с ладонь величиной

Арбан захатайе оёжо,

Шила десять шуб (воротниковых),

Хурганайн шэнээн арахаар

Из кожи величиной с палец

Хорин захатайе оёжо забдаба ла

Шила двадцать шуб

[12, с. 26, 53].

[Пер. наш].

Слово *захатай* можно перевести как «имеющее воротник», подразумевается *дэгэл*, т. е. верхняя одежда. Здесь часть предполагает целое в соответствии с целостным, холистическим подходом.

В следующем примере глаза и руки подразумевают девушку, которая искусно кроит и шьет. Часть подразумевает целое.

Зүүн хара нюдэнийн

Зүүнэй оёдолд обашарба ла,

Баруун найхан долёоборын

Хурабшада занишаба ла [12, с. 53].

В целом следует отметить, что в унгинском эпосе и улигере «Абай Гэсэр Богдо хаан» все большее внимание уделяется не физическим возможностям, не богатырским качествам героинь, как это показано в эхирит-булагатском эпосе (более ранний по времени возникновения вариант бурятского эпоса), а их необыкновенной красоте, мудрости, преданности мужу, владению искусством шитья, рукоделия. Об этом свидетельствуют приведенные выше примеры.

Бурятский эпос о Гэсэре богат таким видом художественной изобразительности, как эпитет. Эпитеты дают образное представление о предмете (*Харсага боро морин* – быстрый, как ястреб, серый конь). К тропам принадлежат лишь те эпитеты, функцию которых выполняют слова, употребленные в переносном значении (*ууихан зөөлөнорон* – мягкая, как легкие, постель) в отличие от точных эпитетов, выраженных словами, использованными в прямом значении (*буурал толгойтой* – с седой головой). Большинство улигерных эпитетов представлено красочными определениями, выраженными прилагательными. Необходимо подчеркнуть, что эпитеты продуктивны в поэтике улигера, они обладают большой художественной выразительностью и способствуют созданию ярких образов, выполняют дополнительную смысловую, экспрессивно-эмоциональную функцию.

В эпосе бурят встречаются разные виды эпитетов. Например, пояснительные эпитеты (*найн* – хороший, *муу* – плохой) употребляются не в метафорическом, переносном, а в прямом значении и выполняют функции пояснений. В постоянных эпитетах особенностью семантики является постоянный характер выраженного ими признака (*алтан* – золотой, *сагаан* – белый, *улаан* – красный, *шара* – желтый и др.): *алтан шара наран* – золотисто-желтое солнце, *бухайр шара номон* – желтый бухарский лук. Эта группа эпитетов образована путем простой связи двух слов, первое из которых является определяющим по отношению ко второму. Они относятся к раннему типу эпитетов и часто встречаются в ритуально-магической поэзии.

Были также выявлены эпитеты, характеризующие что-либо или кого-либо в психологическом, эмоциональном аспекте. Частотны зрительные эпитеты (*найхан шарай* – красивая

внешность, *сагаан уула* – белая, светлая гора, вершина). Используются эпитеты, характеризующие человека, предмет или явление в возвышенном тоне: *арюун хайн ябадалтай* – с чистыми хорошими деяниями. В эпическом тексте употребляются простые по форме эпитеты (*хара ханаан* – черная, завистливая душа, *хүхэ уула* – синяя гора, вершина), а также большинство улигерных эпитетов выражаются прилагательными, стоящими в атрибутивной позиции перед или после существительного. Они традиционно прикреплены как к собственному имени героев, так и к его нарицательным обозначениям:

<i>Аламжи Мэргэн хүбүүнийн,</i>	<i>Аламжи Мэргэн молодой</i>
<i>Хоерхон-ло абагаяа</i>	<i>Обоих дядей своих</i>
<i>Сага мунгун үүдэнһээ</i>	<i>У бело-серебряной двери</i>
<i>Тодолдожи ерэбэл-даа</i> [15, стх. 570-573].	<i>Встречает</i> [Пер. М. И. Тулохонова].

С помощью изобразительных эпитетов в эпосе подробно описывается богатырское снаряжение: «желтый бухарский лук», «хангайская стрела». Обилие эпитетов создает общее впечатление приподнятости повествования, перенос действия в мир прекрасного и возвышенного. Вместе с тем, все это – обыденные явления, вещи и предметы: лук, стрела, одежда, море, солнце, небо, в которых основной признак доступен зрительному восприятию (красный, зеленый, синий, желтый, пестрый); одежда героев, как правило, расшита золотом и серебром, так же украшено их оружие.

Отдельную группу составляют эпитеты, по своему характеру приближающиеся к метафоре. В них заключен признак сравнения (перевод примеров из эпоса «Абай Гэсэр Богдо хаан» в ниже следующих моделях выполнен автором статьи):

метафорические эпитеты

Тухэрээн наранай туйһөөтэй – похожая на круглое солнце.
Үхэр хара баатар – могучий (как бык), черный (крепкий) батор.

метонимические эпитеты

Дайнай мур – след войны.
Дайнгай харгы – путь войны.

точные эпитеты

Загал буурал толгой – черная с проседью голова.
Хубитай золтой зон – счастливые люди.

цветовые эпитеты

Сагаан харгытай – имеющие белую, чистую дорогу.
Боро эрезн зурхэн – серо-пестрое (твердое) сердце.

народно-поэтические (постоянные) эпитеты

Үндэр дулим тэнгэри – высокое небо.
Гунан гутаар дайда – цветущая привольная земля (степь).

уточняющие эпитеты

Түргэн сагаан элиэнэр – быстрые белые посланцы.
Обоо зөөлөн орон – большая мягкая постель.

Вариант улигера, записанный от Альфора, отличается обилием и разнообразием эпитетов. Рассмотрим некоторые из них:

эпитеты с уменьшительно-ласкательным оттенком значения

Борсогорхон буру хунжэлдөө [12, с. 112] – Под невзраченьким одеялом.
Дарсагар хандаагаа унажа [12, с. 113] – Худенького лончака оседлав...

метафорические эпитеты (скрытое сравнение)

Хорон худал [12, с. 48] – обман, как ядовитая ложь.
Ута хургааг бэе [12, с. 58] – длинный, как жердь.

цветовые эпитеты

Улаан утаһан [12, с. 119] – красная нить.
Түмэр хара ордон [12, с. 134] – железный черный дворец.

зрительные эпитеты

Сагаан далай дээгүүр *По белому морю*

<i>Сагаан манан харгуйтай, Хүхэ далай дээгүүр Хүхэ манан харгуйтай</i> [12, с. 46].	<i>Дорога из белого тумана, По синему морю, Дорога из синего тумана.</i>
---	--

Зрительные эпитеты помогают воссоздать в сознании слушателей яркую визуальную картину, надолго удерживающуюся в памяти.

Символические эпитеты

<i>Борохоной саг болобо, Үнэгэнэй харан хуйбууба</i> [12, с. 90].	<i>Наступило серое время суток, Опустилась лисья темнота.</i>
---	---

Здесь имеются в виду ночные часы, так называемая лисья темнота, длящаяся два часа, с трех до пяти часов утра (ночи).

Фольклорные эпитеты

Зүһэ буру дайда – *Хубхай хомхой орон* [13, с. 230] – *Чужая холодная сторона.*

Холойн хомхой дайсан [13, с. 126] – *Далекий ненасытный враг.*

Ойрын муухай дайсан [13, с. 149] – *Близкий коварный враг.*

Народно-поэтические (постоянные) эпитеты

Алтаншарга [12, с. 146] – *Позолоченные сани.*

<i>Түхэрөөн улаан шарайтай, Тэбхэр сагаан магнайтай, Гэлэн хара нюдэтэй, Гурбан алдаг эзэгтэй, Дабхарайтай хара нюдэтэй Дүрбэн алдаша ажатай</i> [12, с. 54].	<i>С круглым румяным лицом, Квадратным белым лбом, Совершенно черными глазами, С косичкой в три сажени, Черными глазами с нависшими веками, С косой в четыре сажени.</i>
---	--

Поэтический образ возникает на основе богатой палитры цвета, цветовой гаммы. Белый цвет является символом высоконравственного, мудрого и чистого начала. Встречаются зрительные эпитеты (*эгээн сагаан* – светозарно-белый). Эпитет *сагаан* часто употребляется с показателем усиления: *хун сагаан хонин* (очень белая, белая как лебедь овца). Эпитет-существительное воспринимается как метафорическое определение, в котором можно обнаружить некое скрытое сравнение: *хүн сэгээн тэнгэри* (молочно-белое небо – небо, белое, как молоко). В примерах прослеживается не только признак предмета, но и оценочная характеристика: *хонгор сагаан сэдьхэл* – «светлая (милая) наивная открытая душа»; определения-эпитеты с суффиксом субъективной оценки **-хан**: *дулаахан* – «теплый (с оттенком нежности, ласки)». Ёмкий, точный эпитет, определяющий не только свойство предмета, но уточняющий или усиливающий особые черты, качества: *үндэр улаан наран* – «высокое красное солнце».

Важно отметить, что в ходе исторического развития эпос вырабатывал свою, присущую только ему систему изображения. Сказители пользовались традиционными формами, которые были закреплены за определенными реалиями изображаемых явлений и событий. Это в основном характерно для постоянных эпитетов, которые получили свое начало со времен раннего развития устного народного творчества, где одни и те же явления, предметы не имели множества определений, т. к. народ не был в состоянии охватить большое количество признаков предметов, а ограничивался указанием на те признаки, которые чаще всего характеризовали данные предметы. В эпических произведениях отражается взаимоотношение человека с окружающим его миром. Небо в понятии первобытного человека являлось особым миром, источником света и тепла. На нем обитали разные божества, посылающие то снег, то дождь. При описании неба в основном используются постоянные эпитеты, например, такие, как *светлодонное небо*, *великое небо*, являющиеся символами света, добра и величия. А дождливое, туманное, мрачное, темное состояние неба описывалось в эпосе для показа различных препятствий на пути Гэсэра, символизирующих все самое плохое – мрак, холод, зло.

Лингвостилистический анализ показывает, что структура эпических сравнений принципиально отличается от сравнений других художественных систем, например, сказок. Каждый структурный элемент эпического сравнения имеет свое особое стилистическое оформление. Эпическим сравнениям присущи компактность, ритмическая организованность, отшлифованность

и формульность. Важными изобразительными элементами эпических сравнений являются эпитеты, входящие в их структуру. Выявлено, что в системе сравнений запечатлен не только художественно-эстетический опыт народа, но и социально-бытовые стороны его жизни. Детальное исследование системы эпических сравнений подтверждает тот факт, что в эпических сравнениях, в отличие от сказочных, широко использованы образы предметов и явлений внешнего мира, относительно умеренно – понятий из материальной и духовной сферы человеческой жизни. В сравнениях образ всегда конкретизируется. Это – одна из существенных поэтико-познавательных особенностей эпических сравнений. Конечно, здесь необходимо учитывать и национально-стилистическую специфику конкретного поэтического памятника. Употребление сравнений, которые делают предмет нагляднее и задерживают на нем внимание слушателя, связано со стремлением изобразить предмет в его чувственной определенности. Сказитель не просто называет предмет, он подробно описывает его, перечисляя особые качества и свойства, а также характерные формы их проявления. Через них улигершин выражает свое отношение к предмету, подбирая для этого положительные или отрицательные сравнения. Сказители, стремясь к наглядности, стараются перевести описание на особенно близкий и понятный слушателям язык, приводя параллели из окружающей жизни.

Следует отметить, что сравнения и эпитеты не являются простыми украшениями улигерных событий, они вытекают из внутренних потребностей героического сюжета, из общих требований эпической изобразительности. Сравнения вызывают зримые и яркие образы, которые дошли до фольклорных жанров из недр мифологии. С течением времени сравнения, наполняясь и обогащаясь новым содержанием, приобрели свойства параллелизма. В глубокой древности, когда человек еще не умел отвлеченно мыслить, он постигал свой внутренний мир посредством образов, взятых из внешнего мира, чаще всего мира природы. Природа одушевлялась, наделялась человеческими свойствами. Общеизвестно, что сравнение является одной из характерных и распространенных форм художественного описания в эпосе. Посредством сравнения описываемые предметы и явления приобретают большую отчетливость и изобразительность. Сравнения придают повествованию ясность и живость изложения, а это в свою очередь ведет к наибольшей эмоциональной выразительности. Сравнение актуализируется не только на лексическом уровне. Оно может быть выражено словом, словосочетанием, сравнительным оборотом, придаточным предложением. В бурятском эпосе о Гэсэре часто встречаются сравнения в форме слова, присоединяемого с помощью союза «мэтэ» (как, подобно, словно):

<i>Бүхэ Бэлигтэ баатар...</i>	<i>Бүхэ Бэлигтэ батор</i>
<i>Элээ мэтэ элиһээр,</i>	<i>Воспарив вверх, как кориун.</i>
<i>Харабсар мэтэ халиһаар...</i>	<i>Отлетел вниз, как орел...</i>
<i>Бүргэд мэтэ бүрэлзэбэ... [12, с. 344].</i>	<i>Промелькнул, как беркут... [Пер. наш].</i>

Иногда в сравнениях встречается союз «шэнги» – «как, словно, вроде, точно»:

<i>Харабсар шэнги халилдаба,</i>	<i>Как орлы отлетали,</i>
<i>Хандагай шэнги хадаралдаба [12, с. 344].</i>	<i>Как сохатые бились [Пер. наш].</i>

Используются слова с окончаниями -ндли, -дли (словно, как, похоже), т. е. сравнения на морфологическом уровне.

<i>Бухындли хүлээлдэбэ</i>	<i>Как быки перед боданием наклоняли головы,</i>
<i>Буурындли абиралдаба [12, с. 345].</i>	<i>Как верблюды, терлись боками [Пер. наш].</i>

<i>Зунай бухындли зохорһоор,</i>	<i>Мыча и роя землю, как бык летом,</i>
<i>Зуданай бугындли урамдаһаар [12, с. 345].</i>	<i>Трубя, как марал в летний месяц [Пер. наш].</i>

Рис. 2. Гэсэр, герой бурятского фольклора (Художник Ю. Г. Чистяков, 1975 г.)

Как и в других примерах, сравнение основано на привлечении образов природы, например, представителей животного мира: бык, верблюд, орел, коршун и др. Это – характерная черта фольклорных образов.

*Абай Гэсэр хубүүн...
Харбаһан һомондли
Харьяжа ошообо,
Шэдэһэн шулуундли
Шууяжа оробо [12, с. 389].*

*Абай Гэсэр хубун...,
Как выпущенная стрела,
С шумом проскакал,
Как брошенный камень,
С гулом прибыл [Пер. наш].*

Несомненно, сравнение является важным изобразительно-выразительным средством языка эпоса. Первообытный человек для того, чтобы понять какой-либо предмет или явление, сравнивал его с другим предметом или явлением, полностью обладающим данным признаком. В эпосе сказитель не только рисует образы героев и показывает прошлый быт наших далеких предков, но и с помощью сравнения выражает свое эмоциональное отношение к сопоставляемым предметам и явлениям.

Заключение

Таким образом, художественная выразительность и эмоционально-экспрессивная наполненность улигерного языка достигается за счет умелого употребления в произведениях образных средств: метафоры, метонимии, эпитетов, сравнений и др. элементов, позволяющих сказителю высказать зримую и предметную мысль, и способствующих созданию исторической стилизации. В целом комплексное исследование поэтики бурятского улигера «Абай Гэсэр Богдо хаан» свидетельствует о том, что она представляет собой сложную, весьма разветвленную иерархическую систему, в которой взаимодействуют частные системы форм, слов и конструкций внутри единой структуры языка как «системы систем». Систематизация и классификация художественно-изобразительных средств в бурятском эпосе по предложенным моделям способствуют

более четкому представлению и осмыслению функциональных особенностей изученного вида образности во всех его проявлениях. В этноспецифических образных элементах этой системы прослеживаются эстетика и прагматизм бурятского эпоса о Гэсэре. В этой связи перспективным и актуальным представляется изучение парадигматико-синтагматических отношений и способов их выражения в эпическом тексте. Упомянутое явление – высшая степень образности в бурятском эпическом повествовании, не имеющая аналогов в других языках.

Несомненно, многочисленные образные средства являются жанровыми признаками эпоса. Каждое слово, структура занимает свое строго определенное место в поэтической системе бурятского эпоса, каждая интонация реализуется в грамматических рамках предикативных словосочетаний, согласуется с настроением героев и характером развивающегося действия. За этими внешними деталями стоят дополнительные опорные смысловые точки. Благодаря им в ходе развертывания эпических событий в рамках эпизодов, картин, действий, составляющих единое художественное целое, в сознании слушателей вырастает незримая сеть ассоциаций, связанных с теми или иными впечатлениями. Все это в совокупности создает уникальную образную картину эпического произведения бурят.

Литература

1. Кузьмина Е. Н. Структурно-семантические особенности аларских улигеров / Народы Байкальского региона: древность и современность. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2002. – С. 64-71.
2. Чагдуров С. Ш. Поэтика Гэсэриады. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1993. – 367 с.
3. Тулохонов М. И. Героический эпос бурят: вопросы поэтики и стиля: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1993. – 51 с.
4. Хундаева Е. О. Бурятский эпос о Гэсэре: связи и поэтика. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 166 с.
5. Дампилова Л. С. Шаманские песнопения бурят: символика и поэтика. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. науч. центра СО РАН, 2005. – 246 с.
6. Дугаров Б. С. Бурятская Гэсэриада: небесный пролог и мир эпических божеств. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 297 с.
7. Уланов Э. А. Эпос в развитии бурятской словесности: аспекты поэтико-стадиальной эволюции художественного мышления. – Улан-Удэ: Бэлиг, 2003. – 212 с.
8. Санжеева Л. Ц. Бурятский эпос: проблемы поэтики и стиля. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011. – 240 с.
9. Макрова М. Н. Явление образности в культуре. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2005. – 123 с.
10. Есин А. Б. Стиль // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины. – М.: Академия, 1999. – С. 352-353.
11. Санжина Д. Д. Метафора в бурятском поэтическом тексте / Филологический сборник памяти В. Ц. Найдакова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 1998. – С. 307-311.
12. Абай Гэсэр Богдо хаан. Бурядай морин улгэр. Запись С. П. Балдаева от сказителя Альфора Васильева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО АН, 1995. – 520 с. (на бурятском яз.)
13. Абай Гэсэр. Запись И. Н. Мадасона от сказителя Пеохона Петрова. – Улан-Удэ: Изд-во БКНИИ СО АН СССР, 1960. – 315 с. (на бурятском яз.)
14. Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. – Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1971. – 252 с.
15. Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн». Запись Ц. Жамцарано от сказителя Елбона Шалбыкова. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 310 с. (на бурятском яз.)

References

1. Kuzmina E. N. Strukturno-semanticheskie osobennosti alarskikh uligerov [Structural and semantic features of alar uligers] / Narody Baikalskogo regiona: drevnost i sovremennost. – Novosibirsk: Izd-vo IAiEt So RAN, 2002. – С. 64-71.

2. Chagdurov S. Sh. Poetika Geseriady [Poetics of the Geseriade]. – Irkutsk: Izd-vo IGU, 1993. – 367 с.
3. Tilokhonov M. I. Geroichesky epos buryat: voprosy poetiki i stilya [Buryat heroic epic: issues of poetics and style]: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN, 1993. – 51 с.
4. Khundaeva E. O. Buryatsky epos o Gesere: svyazi i poetika [Buryat epic about Geser: connections and poetics]. – Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN, 1999. – 166 с.
5. Dampilova L. S. Shamanskiye pesnopeniya buryat: simvolika i poetika [Shaman chants of Buryats: symbolic and poetics]. – Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN, 2005. – 246 с.
6. Dugarov B. S. Buryatskaya Geseriada: nebesny prolog i mir epicheskikh bozhestv [Buryat Geseriade: celestial prologue and world of epic gods]. – Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO RAN, 2005. – 297 с.
7. Ulanov E. A. Epos v razvitii buryatskoi slovesnosti: aspekty poetiko-stadialnoi evoliutsii khudozhestvennogo myshleniya [Epic in development of Buryat literature: poetic and stadial evolution aspects of art mentality]. – Ulan-Ude: Belig, 2003. – 212 с.
8. Sanzheeva L. TS. Buryatsky epos: problemy poetiki i stilya [Buryat epic: issues of poetics and style]. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2011. – 240 с.
9. Makrova M. N. Yavleniye obraznosti v culture [Phenomenon of imagery in culture]. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 2005. – 123 с.
10. Esin A.B. Stil // Vvedeniye v literaturovedeniye. Literaturnoye proizvedeniye: osnovniye ponyatiya i terminy. M.: Akademiya, 1999. – С. 352-353.
11. Sanzhina D. D. Metafora v buryatskom poeticheskom tekste [Methaphor in Buryat poetic text] / Filologichesky sbornik pamyati V. TS. Naidakova. – Ulan-Ude: Izd-vo Buryatskogo gosuniversiteta, 1998. – С. 307-311.
12. Abai Geser Bogdo khaan. Buryadai morin ulger [Abai Geser Bogdo khan. Buryat uliger]. Zapis S. P. Baldaeva ot skazitelya Alfora Vasilieva. – Ulan-Ude: Izd-vo BNTS SO AN, 1995. – 520 с. (na buryatskom yaz.)
13. Abai Geser [Abai Geser]. Zapis I. N. Madasona ot skazitelya Peokhona Petrova. – Ulan-Ude: Izd-vo BKNII SO AN SSSR, 1960. – 315 с. (na buryatskom yaz.)
14. Rassadin V. I. Fonetika i leksika tofalarskogo yazyka [Phonetics and lexis of Tofalar language]. – Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatelstvo, 1971. – 252 с.
15. Buryatsky geroichesky epos «Alamzhi Mergen» [Buryat heroic epic “Alamzhi Mergen”]. Zapis TS. Zhamtsarano ot skazitelya Elbona Shalbykova. Novosibirsk: Izd-vo Nauka. Sib-e otd-e, 1991. – 310 с. (na buryatskom yaz.)

